

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.2.140-153

Конталева Е.А.

Оккультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж»)

Аннотация. Статья раскрывает особенности отношения к мистическому в культуре восточной ветви русской эмиграции. Автор обращается к одному из самых популярных изданий русского зарубежья – журналу «Рубеж». «Психологическая бездомность» эмигрантов, их порубежное положение вызывают в среде русской диаспоры стремление к сохранению идентичности и уходящего наследия, православной веры и культуры. Вместе с тем, на страницах «Рубежа» перед читателем предстают духи и призраки, боги и божества, гипнотизёры и гадатели, ясновидящие и предсказатели, маги, алхимики и др. С одной стороны,

это своеобразный отклик на подъём интереса к сверхъестественному в разных его проявлениях: спиритомании и египтомании, ясновидения, гадательных и оккультных практик, создания теософских кружков и пр. С другой – закономерная реакция русской эмиграции на её кризисное положение в результате негативных социополитических процессов на рубеже XIX–XX веков: растерянность и потребность в духовных основаниях превращается в иллюзорную уверенность в возможности воздействия на объективную реальность с помощью различных оккультных и мистических практик и начинает эманировать в разные формы, в том числе, литературные. Автор предпринимает попытку выявления основных тем, которые раскрывают литературно-художественные и публицистические тексты журнала «Рубеж», а также реконструкции идей и образов, лежащих в их основе.

Ключевые слова: оккультизм, мистика, синкретизм, периодика, эмиграция, русское зарубежье, Харбин, журнал «Рубеж»

Eugenia A. Kontaleva

Occultism and Mysticism on Pages of the Harbin Periodical Press (Case Study of “Rubezh” Journal)

Abstract. The paper reveals features of relation to mystic in the culture of east branch of the Russian émigré community. The author addresses one of the most popular editions of the Russian abroad – to “Rubezh” (“Frontier”) journal. “Psychological homelessness” of the emigrants, their frontier situation cause aspiration to maintaining identity and the leaving heritage, Orthodox belief and culture in the world of the Russian diaspora. At the same time, the reader meets spirits and ghosts, gods and deities, hypnotists and soothsayers, clairvoyants and predictors, magicians, alchemists, etc. on the pages of “Rubezh”. On the one hand, it is a peculiar response to the surge of interest to supernatural in its different manifestations: spiritualism and Egyptomania, clairvoyance, mantic and occult practices, creations of theosophic circles and so forth. On the other hand, it was natural reaction of the Russian émigré community to its critical situation as a result of negative sociopolitical processes at the turn of the 19th–20th centuries: confusion and need for spiritual bases turns into illusory confidence in a possibility of affecting objective reality by means of various occult and mystical practices and begins to emanate in different forms including literary ones. The author makes an attempt of identification of main subjects set in literary and art and publicistic texts of “Rubezh” journal and try to reconstruct the underlying ideas and images.

Key words: occultism, mysticism, syncretism, periodical press, emigration, Russian émigré community, Harbin, “Rubezh” journal

Конталева Евгения Александровна – аспирант кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета, старший преподаватель, научный сотрудник Лаборатории археологии и антропологии АмГУ; 675027, Амурская обл., Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21, корп. 7, каб. 412; narbeleth@bk.ru

Eugenia A. Kontaleva – Postgraduate student at the Department of Religious Studies and History of the Amur State University, Senior Teacher, Research Fellow at the Laboratory of Archeology and Anthropology of the AmSU; of. 412, build. 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveschensk, Amur Region, Russia, 675027; narbeleth@bk.ru

Первый выпуск «Рубежа», самого известного и популярного литературно-художественного журнала восточной ветви русской эмиграции – поистине «долгожителя», – вышел более 90 лет назад. Возникновение журнала под руководством Е.С. Кауфмана в 1926 году было не случайным и, более того, необходимо закономерным. Если до прихода к власти большевиков в Харбине в основном проживали представители рабочего класса, военные, предприниматели, то в послереволюционное время в эмиграции оказались представители самых разных социальных групп, в том числе аристократии и интеллигенции, для которых литературные устремления, чтение и обсуждение книг были одним из способов сохранения связей с прежней жизнью, поддержания имевшегося уровня культуры и просто жизненной привычки и необходимости.

При этом доступность печатных изданий была ограничена: если не считать личные собрания и общественные библиотеки с обширными фондами, которых было немало, книги были редки и дороги. В этот период печатная деятельность на территории России была приостановлена, а открыть собственное издательство было сложно ввиду положения эмигрантов и нехватки средств. Русские, оторванные от родины и попавшие в инокультурную среду, ощущали «психологическую бездомность» и острую потребность в сохранении культурной идентичности, упрочении связей с русской культурой и литературой¹. Харбин был богат творческими людьми, особенно литературной молодёжью – писателями и поэтами, для которых еженедельный «Рубеж» стал реальной возможностью регулярно печататься. Значительную часть населения Харбина охватывает «жажда творчества» – возможно, потому, что душевным потрясениям от внезапного статуса эмигранта и тоске по родине нужен был какой-то практический выход. Тем не менее, при старорежимном, дореволюционном характере Харбина и общей тенденции сохранения «русскости», национального самосознания в эмигрантской среде, харбинское пространство русской диаспоры быстро мифологизировалось, маргинализировалось в условиях обретенной замкнутости этого «сказочно-утопического пристанища для всех страждущих и нуждающихся» [Забяко, Эфендиева, 2009, 15].

Кроме того, мистицизм и оккультизм в формах масонства, спиритизма, медиумизма, хиромантии и, конечно, теософии и её версии «более высокого порядка» – антропософии, был популярен и в дореволюционной России, где поддерживался прежде всего со стороны богемы – аристократии и интеллигенции. Эпоха Серебряного века пронизана мистическими аллюзиями, которые усиливаются в годы реакции. В 1920–1940-х годах тяга к сверхъестественному в разных его проявлениях в целом являлась общераспространённой: это и новые волны спиритомании и египтомании, интерес к ясновидению, гадательным и оккультным практикам, создание теософских кружков и пр. Зёрна мистических идей «как облачения контрреволюционных настроений» совершенно закономерно проникают в одну из самых благоприятных для них почв – прозу и лирику русского Харбина.

В периодической печати того времени (газеты «Заря», «Гун-Бао», «Рупор», «Новости жизни») явно прослеживается интерес эмигрантов к теме инобытийности [Крыжанская, 2011, 346–352; Землянская, 2013, 323–335]. На страницах журнала «Рубеж», помимо рассказов и стихов, также публиковались статьи и объявления на мистическую тематику. Значительное количество рассказов, содержащих вкрапления сверхъестественного, написано зарубежными авторами и переведено для публикации в журнале.

Необходимо уточнить, что в данной статье мы обратим внимание на прозаические и публицистические формы, без учёта лирических произведений. Также, ввиду отсутствия полного собрания выпусков журнала, мы не будем учитывать длинные рассказы или статьи, публикация которых осуществлялась в нескольких номерах.

В общей сложности в ходе исследования автором было проработано 264 номера журнала «Рубеж» за период с 1928 по 1945 год. В отношении сюжетного и смыслового наполнения текстов можно условно выделить несколько основных тем – условно, прежде всего, потому, что художественные произведения, как правило, представляют собой синкретические конструкторы, где переплетаются различные

религиозные, мифологические, мистические и фольклорные элементы. Переплетение действительности и легенды, проникновение фантастического в обыденное, субъективность и относительность времени, рассмотрение реальности с точки зрения наивного восприятия «примитивного» человека, возможность и способность соприкосновения героев с инобытийной реальностью, культурный контекст повествований позволяет нам соотнести многие из произведений с таким жанром, как магический реализм.

Семантически интересующие нас тексты можно разделить на: 1) раскрывающие спиритические мотивы – встреча с духами, призраками; 2) содержащие магические идеи и отсылки к разнообразным мантическим практикам, гипнозу; 3) реконструирующие суеверные представления тех или иных народов; 4) посвящённые теме соприкосновения с инобытийной божественной реальностью.

1. Общение с духами, призраками. Спиритомания

Тексты, посвящённые теме общения с инобытийной реальностью в форме духов и призраков, составляют одну из наибольших групп. На страницах «Рубежа» разворачиваются различные сюжеты об опасных покойниках-визитёрах, тревожащих живых¹; о неприкаянных душах, привязанных к месту или вещи²; о духах, просящих или предупреждающих о чём-либо, являющихся в момент смерти тела⁴.

Илл. 1. Лович Я. Влюбленный призрак // Рубеж. 1939. № 30 (599). С. 1–4, 6–8, 10.

Илл. 2. Каленберг Г. Потусторонний голос // Рубеж. 1928. № 14. С. 3–4.

Легенды и поверья о визите покойника известны многим народам с древнейших времён. Начиная с ранних этапов своей культурной истории, человек предпринимает попытки ограничить возможности умерших с помощью разнообразных ритуалов, особых способов захоронения, сопроводительных обрядов и т.д., связанных не только с желанием помочь умершим с переходом в иной мир и обезпечить их дальнейшее инобытийное существование, но и со страхом перед успешными. А. Несмелов в рассказе «Болезнь Нины Павловны» чётко обозначает эту амбивалентность: «Никому не показалось странным, что кроткий Сергей Александрович, которого все так искренне жалели и чью смерть от сердца оплакали, – вдруг превратился в духа вредоносного и страшного, против которого надо было применять эти жуткие заклинания» [Несмелов, 1933, 1].

В народных представлениях славян покойники делились на две категории: «чистые», т.е. умершие своей смертью и обычно называемые «родителями», и «нечистые», «заложные» покойники («мертвяки»), к которым относили тех, кто умер неестественной, преждевременной смертью и/или вёл несправедную жизнь (опойцы, самоубийцы, проклятые, некрещёные дети и др., а также колдуны) [Токарев, 2005, 197]. Отношение к этим двум группам умерших отличалось коренным образом. Первых – родителей – почитали, вторых считали опасными существами, способными посещать живых и даже вредить им ввиду обладания неизрасходованной жизненной силой. Вместе с тем, в суеверном страхе перед покойниками мало

анимистических элементов, т.к. «боялись не души или духа мертвеца, а его самого» [Токарев, 2005, 198].

Визитёрство умерших нередко было обусловлено сохранившимися связями с живыми и посюсторонним миром: сильной привязанностью к близким; не исполненной последней волей усопшего; долгом; неулаженной ссорой; чувством мести и т.п., а также неточным исполнением каких-либо погребальных обрядов. Схожие доминанты прижизненной привязанности мы наблюдаем, например, в рассказе Беррса «Четвёртая стена», повествующем об артисте, чей призрак бродит по коттеджу, в котором он любил останавливаться при жизни; рассказе И. Сабуровой «Санта-Луара» о призраке моряка, желающего вернуть принадлежащее ему Евангелие. Указанные причины определяют тот факт, что и чистые покойники могли стать так называемыми «непритомниками» – нечистыми усопшими, посещающими живых в неурочное время и опасными тем, что могут увести за собой близкого человека. В список причин их «рождения» также входит тоска живых [Байбурин, 1993, 118].

А. Несмелов реконструирует эти представления в рассказе. Тоска по мужу является одной из причин «болезни» Нины Павловны и вызывает ночные видения, которые плохо сказываются на психическом и физическом состоянии героини: «Нина Павловна не решалась уже оставаться одной в комнате даже днём: страх совершенно парализовал её волю, все движения её души протекали под вызванной им депрессией. Пошатнулось и физическое здоровье» [Несмелов, 1933, 2]. Как правило, медицинские методы лечения в таких случаях не помогают: отступление болезни Нины Павловны совпадает с моментом, когда в её душе не остаётся любви к мужу, а только ненависть из-за того, что после смерти он причинил ей столько мучений, и понимание, что в его «укоризненном взгляде <...> не было ничего, кроме зависти и злобы к ней, здоровой, молодой, красивой, остающейся жить» [Несмелов, 1933, 6] (здесь и далее курсив мой. – Е.К.).

Пользуясь композиционным приёмом «рассказ в рассказе», А. Несмелов вплетает в сюжетную канву историю об Аулу – туземке, чей муж Каталу умер и теперь она считается нечистой, *табу*: «...По обычаям племени, после смерти Каталу жена его Аула, оплакивавшая мужа и прикасавшаяся к его трупу, была объявлена табу и на семь дней заключена в хижину, выстроенную нарочито для запрещённых, на противоположном берегу реки» [Несмелов, 1933, 6]. Эту историю читает в книге Нина Павловна и обнаруживает поразительное сходство между описываемыми в ней событиями и своим недавно пережитым опытом общения с мертвецом. Перечисляемые Несмеловым действия в отношении женщины-табу – отселение, запрет на выход из хижины до захода солнца, на принятие пищи руками, на произнесение имени покойного, на общение с соплеменниками и др. – действительно имели место в культурах различных племён Полинезии, Меланезии и части Африки⁵.

Не только в культурах первобытных народов, но и в традициях развитых цивилизаций ограничителями возможностей перемещения покойников нередко выступали природные элементы, чаще всего – вода (так, Несмелов упоминает реку как границу между женщиной-табу и остальным племенем), или огонь, известный своей очистительной силой. Важно было и место захоронения, которое зачастую находилось на достаточно большом расстоянии от места обитания живых. Так, на Руси «нечистых» умерших хоронили не на кладбище, а на месте их смерти, на границах полей, обочинах дорог и особенно – перекрёстках; нередко их вообще избегали зарывать в землю, а относили подальше в овраги, оставляли в лесу, в болотах и т.д., а также в особых «убогих домах» – скудельницах [Зеленин, 1995, 88–128]. Это соответствует мифическому представлению о центре и периферии как оппозиции «своё-чужое»⁶. Мир «своего» является упорядоченным, понятным, благим; это место обитания живых. Мир «чужого» – опасный мир хаоса; место обитания богов, мёртвых, духов и т.д., находящееся за пределами территории обычных живых людей.

Кроме этого, уже похороненных покойников могли выкапывать и переносить на новое место, переворачивать их в могиле и заливать её водой (особенно во время засух, неурожая), вбивать осиновые колья в грудь, гроб или в могилу. Последний ритуал отражает в своём рассказе Несмелов: старушка-кормилица Аграфена, взяв «грех на душу», вбивает в могилу Сергея Александровича «огромный карандаш,

который кто-то подарил Серёже незадолго до его смерти», что и обнаруживает Нина Павловна, когда приходит на могилу мужа. Сопоставив факты, она понимает, что именно этот ритуал поспособствовал её внезапному исцелению.

Фабула рассказа при «призрачной» доминанте может синтезировать, например, мифологические и фольклорные представления о пограничной зоне, сакральном времени, переходном моменте, в течение которого возможно соприкосновение поосторонней и инобытийной реальности⁷.

Не остаётся без внимания и вопрос околосмертного опыта и переселения душ, мистических превращений: «Рубеж» предлагает читателю сюжеты о выходе из тела и последующем возвращении⁸, обмене телами⁹. Так, главный герой рассказа Б. Юльского «Катастрофа», Андрей Петрович Гурьев, после крушения поезда приходит в себя в больнице, где из зеркала на него глядит «совсем чужое лицо» и «новая, незнакомая и чужая оболочка»: каким-то образом он оказался в теле своего попутчика, инженера Виктора Хижина. Гурьев пытается жить его жизнью, однако сознание законного хозяина всё ещё внутри тела и иногда прорывается наружу. Отправившись однажды в свою прежнюю квартиру, он узнает, что умер, после чего отправляется на кладбище, где умирает возле своей могилы уже в облике Хижина.

Идейное содержание рассказа Юльского соотносится с представлениями об одержимости в её анимистическом понимании, т.е. в форме проникновения в человека духа или божества и использования тела в своих целях [Забяйко, 2006, 718–719]. В еврейском фольклоре и в каббалистической традиции существует представление о *диббуках* (*дибуках*) – злых духах, духах умерших людей, которые вселяются в живого человека, но не сливаются с его первоначальной сущностью, а только подавляют её. Диббуком становится душа, утратившая способность к переселению (*гилгул*; мн. ч. – *гилгулим*) в силу своей греховности, либо в случае незаконченного предназначения. Диббуки также могут вселяться в тех, кто впал в тайный грех¹⁰.

2. Магия, мантика, гипноз

На страницах «Рубежа» неоднократно можно встретить самые разнообразные магические идеи. Например, рассказ П. Михайлова «Лекарка-ворожея» (из цикла «Тибет») отражает идеи не только народного целительства, знахарства, но и древних мантических практик. По сюжету, богатый тибетец Тамба отправляется к старухе-знахарке подлечиться. Произведённый над Тамба ритуал включал использование туши, палочки, которой тушь точно наносилась на тело больного, и бумажных свечей, прикрепляемых на месте этих точек. После лечения Тамба попросил старуху поворожить: лекарка «вытащила <...> баранью лопатку <...> погладила её, постучала в её бугорки, потом подняла её обеими руками к своему лбу, закрыла глаза и так долгое время молчала...» [Михайлов, 1945, 10].

Гадание на лопатках (чаще – бараньих, но также могли использоваться бизоньи, оленьи, тюленьи, заячьи, птичьи и др.) уходит корнями в глубокую древность и встречается у многих народов – особенно у кочевых, занимавшихся скотоводством. В китайской культуре уже с эпохи неолита были известны как пластромантия (гадание на панцирях черепах), так и гадание на костях животных. Гадательная практика включала в себя различные манипуляции с лопаткой, которая символически делится на несколько частей – секторов, каждый из которых отвечает за определённую сферу. В зависимости от цели гадания – на погоду, будущее, здоровье, судьбу – её могли окуривать дымом (нередко – можжевеловым), варить (так называемое «белое» гадание; смотрели на получившийся цвет, наличие пятен и др.), нагревать на огне («чёрное» гадание; интерпретировали трещины), бросать через плечо. Также встречается вариант гадания на старой кости, обнаруженной в лесу, степи и т.д. На лопатки могли наноситься различные знаки и надписи: например, особая система иероглифических знаков *цзягуэвэнь* («письмена на черепашьих панцирях и костях»), считающаяся древнейшим образцом китайской письменности¹¹.

Гадательным практикам, ясновидению и предсказаниям будущего, зодиакальной тематике, гороскопам, хиромантии, экстрасенсорике посвящено большое количество статей журнала¹². Встречающиеся несчастные объявления также предлагают услуги магов и гадателей¹³. Алхимические мотивы рассказов «Рубежа» связаны с дихотомией молодость-старость и сводятся к поиску возможности либо обратить время вспять и вернуть молодость¹⁴, либо наоборот – состарить тело за одну ночь¹⁵.

Илл. 3. Статья. Рубеж. 1938. № 21 (538). С. 15.

Илл. 4. Объявление. Рубеж. 1934. № 43 (352). С. 8.

Илл. 3. Объявление. Рубеж. 1928. № 41. С. 14.

камни, имеющие отношение к родильной обрядности (особенно – способствовавшие оплодотворению: например, *портакары* в армянской традиции); камни, действие которых связано с лечебной магией (например, *безоары*, *чашечники*, в углублениях которых собиралась вода, считавшаяся целебной, и др.); небесные камни: камни-метеориты, почитавшиеся как символы плодородия, и *громовые стрелы*¹⁶, считавшиеся оружием божественного происхождения и нередко применявшиеся для защиты от молнии; *камни-апотропеи* (например, куриные боги); камни, представлявшие собой вместилища и жилища духов, богов, предков, или их воплощения, а также – места теофании (например, *следовики*) и др. [Элиаде, 1999, 208–228]. Сюжет об исполняющем желания камне, полученном людьми от богини за усердные молитвы, разворачивается в рассказе А. Лугового «Седьмая милость богини»¹⁷.

Особые свойства приписывались и разным драгоценным и полудрагоценным камням: нефриту – «камню жизни» в Китае; киновари (особенно – в даосской алхимии); опалу, который, по народным убеждениям, приносит несчастье; алмазу (в буддийской, индуистской традициях); рубину (один из наиболее известных камней в индийской, греческой, римской, и других культурах, а также в средневековой эзотерике) и многим другим¹⁸. Главный герой рассказа Н.А. Протопопова «Камни живут...»¹⁹, получает в дар от цыганки за спасение младенца из горящего дома *суперик* – «простенькое дешёвое серебряное колечко с вделанным в него некрупным агатом». По словам цыганки, камень этот – особенный и будет талисманом для хозяина, предупреждая его об опасностях. Когда герой, будучи в гостях, рассказывает эту историю и подтверждает её примерами из собственной жизни, хозяин дома приносит мешочек с камнями и рассказывает о мистических свойствах каждого из них.

История о нефритовом диске – камне богини, исполняющем желания, разворачивается на страницах рассказа Э. Джемсона «Любовный талисман»²⁰. Рассказ

всего, камни, отмечающие границу между мирами. На Руси после принятия христианства такие камни, столбы постепенно были вытеснены сооружениями культового характера.

Мотив соприкосновения с инобытийной реальностью в форме нечистой силы прослеживается в рассказе В. Перелешина «Замок белой женщины», посвящённом легенде о Констанции Гаммерштейн – девушке удивительной красоты, брошенной своим жестоким мужем в темницу, сошедшей там с ума, заключившей сделку с дьяволом и являющейся теперь живущим в замке. Описывая сцену обнаружения мужем преобразённой Констанции, Перелешин наполняет текст различными образами, подчёркивающими связь девушки с колдовским, мистическим, сверхъестественным миром: Эбергард Гаммерштейн увидел жену в окружении змей, крыс, летучих мышей, сов, ящериц и жаб; у ног её лежали «череп, глаз, ржавый кинжал, вязанка прутьев и сухих листьев, корни мандрагоры, волчий зуб, кости и камни; подле них высилась большая чаша с человеческой кровью...» [Перелешин, 1936, 8].

В мифологических и фольклорных представлениях многих народов (особенно – христианизированных) змеи, жабы, ящерицы имеют хтоническую природу и нередко выступают как приспешники ведьм и колдунов, равно как и летучие мыши, в народном сознании отождествляющиеся с образом вампира, ночного кошмара. Ржавый кинжал, вероятно, отсылает к представлениям о всевозможных жертвоприношениях на ведьминских шабашах; кости, камни, корни мандрагоры, волчий зуб также являются магическими предметами. Образ волка неоднозначен, но во многих мифологических традициях (особенно – в славянской) волк являлся представителем потусторонних, демонических сил. Части тела волка часто служили в качестве амулетов, наделялись лечебными свойствами. Корень мандрагоры, ввиду своего особенного, похожего на человека, строения, а также психотропного воздействия на человеческое сознание с древности использовался в народной медицине, магии, колдовстве, а позже – в алхимических опытах. В европейской традиции мандрагору иногда называли «свечой дьявола», «цветком ведьмы». Вязанка прутьев и сухие листья, вероятно, аллюзия на костры инквизиции.

Одним из самых неоднозначных предметов у ног героини является череп. Будучи одним из наиболее распространённых образов, череп входит в основную матрицу символов жизни и смерти. С древнейших времён череп использовался в различных ритуальных целях, в религиозных, магических, колдовских обрядах. Череп занимает особое место в христианской традиции – голова Адама изображается у ног Христа, означая спасение и освобождение от смерти. Возможно, это в каком-то смысле справедливо и для Констанции – будучи при смерти в темнице, она заключает сделку с дьяволом и, умерев как человек, «воскресает» как инобытийное существо.

Демонические мотивы содержит и рассказ В. Рачинской «Скрипка Паганини». Автор переплетает биографические сведения о Паганини с суеверными представлениями о нём как о «дьявольском музыканте», играющем «колдовскую музыку». Паганини в рассказе заявляет однажды публике, что играет не на струнах, а на душах: «Я в любой инструмент перемещаю живую человеческую душу...» [Рачинская, 1936, 10]. Стоит отметить, что слухи о дьявольском таланте Паганини действительно ходили при жизни и после смерти маэстро²⁵.

К этому корпусу текстов также можно отнести рассказ Хелтлей Р. «Несчастливое число. Происшествие в Монте-Карло»²⁶, посвящённый числу тринадцать.

4. Религиозные мотивы. Боги и божества

Тема соприкосновения с божественной реальностью задаёт два противоположных направления семантики текстов: первое раскрывает древние, языческие, мрачные образы²⁷, второе – передаёт чувства благоговейного трепета и божественной любви²⁸.

В рассказе В. Кадашева «Истукан над провалом» затрагиваются мотивы идолопоклонства, жертвоприношений, божественной андрогинии. Герои рассказа держат путь через Красную Степь: мёртвую землю, где вставал «тёмный и древний ужас» и «памятью тёмной веры оставались каменные старые боги, любившие алую кровь жертвы и сладострастие весенних праздников» [Кадашев, 1935, 4]. По мере продвижения путникам приходится остановиться на ночлег у Чёртова Провала, над

которым возвышается идол, имеющий признаки мужского и женского пола, «без глаз, без носу, с низким обезьяньим лбом, с едва намеченными в камне, будто связанными, ногами» [Кадашев, 1935, 4].

Как известно, мотив божественной андрогинии – архаическое представление о божественном гермафродитизме – широко распространён во множестве религий. В своей основе эта идея сводится к наделению такого божества абсолютным могуществом, восприятию его как «последней реальности», не допускающей ограничения никакими атрибутами, в том числе, мужское-женское (особенно это касается демиургов)²⁹. Однако колдовским чарам язычества противопоставляется православная вера: ночью в пустыне раздаётся «пронзительный, металлически-трубный вскрик», и Эсмеральда – девушка главного героя – впадает в своеобразный транс. Наваждение исчезает, как только кочевник Лизимах, прошептав, что так «колдуны чаромутят старых богов», кричит: «Мать Пресвятая Богородица, помилуй!» [Кадашев, 1935, 6].

Вероятно, сюжет рассказа Кадашева также отсылает читателя к древним шаманским и экстатическим ритуалам: в ходе одной из экспедиций в Красную Степь главный герой обнаруживает племя, сохранившее идолопоклонство. От них он увозит предметы культа: «Рогатые тиары, фартуки с ременными висюльками, стилизующими змей, семихвостые бичи, бубны...» [Кадашев, 1935, 8]. Эти предметы соотносятся с шаманскими атрибутами и уходят корнями в глубокую древность: например, рогатые тиары связаны почитанием рогатого бога, образ которого является одним из древнейших (так, рогатая тиара входит в число атрибутов Энлиля – одного из трёх великих богов шумеро-аккадской мифологии; известнейшим, хотя и не предстающим в окончательной ясности для исследователей, является рогатый бог кельтов Кернунн (Цернуннос) и др.). В основном такие божества были связаны с плодородием, земледельческим циклом и сочетали в себе архетипические черты умиротворяющего и воскресающего бога, что также определяет экстатическую специфику их культа. Как и фигура рогатого бога, образ змеи появляется уже на самых ранних этапах развития культурной истории человечества и связан с «плодородием, землёй, женской производящей силой, водой, дождём, с одной стороны, и домашним очагом, огнём (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой» [Иванов, 1991, 468]. В развитых мифологических системах образ змеи в основном имеет отрицательную коннотацию.

Совсем другое настроение – чувство пылающей любви, трепета при соприкосновения с божественным – передаёт рассказ В. Рамбаева «Тия божественная», знакомящий читателя с культурой андских цивилизаций. Судьба главного героя – Михаила Геннадьевича Гаршина – оказывается связана с Тиауанако – городом, когда-то населённым великанами, «городом мёртвых.. священный городом Ти!»³⁰.

Тиауанако (Тиауанако, Тиуанако, Тиуанаку, Тиванака, также – Тайпикала; ориг. *Tiwanaku*) имел огромное значение в мифологической картине мира инков, считавших его местом происхождения своего первого легендарного правителя Манко Капака. На сегодняшний день Тиауанако занимает важное место в духовной культуре современных аймара и с 2000 г. является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО³¹.

Одной из главных проблем реконструкции истории поселения и его жителей является отсутствие письменных источников. Информация о городе передавалась в рамках устной традиции – в легендах, песнях и т.д. Пришедшие и разграбившие город испанцы записывали и переводили информацию со слов индейцев, однако нередко переводы были неточными, что обусловило возникновение большого количества домыслов и легенд о поселении: индейцы верили, что город построили вымершие великаны (все постройки и статуи в городе – впечатляющих размеров); европейцы – что он имеет древнейшее происхождение (разброс в датировках – от 12–17 тысяч лет³² до 1500 года до н.э.³³).

Услышав легенду о древнем городе от старого индейца по имени Нао, Гаршин загорается желанием увидеть город великанов воочию, и они отправляются в путь. На месте Гаршин и Нао видят «колоссальные каменные здания, сложенные из целых гранитных глыб <...> Огромные арки, необычные сооружения...»³⁴

[Рамбаев, 1933, 4]. В конце концов, они подходят к храму и одновременно – усыпальнице Тии, королевы и повелительницы города. По легенде, великаны «считали её божеством и поклонялись ей».

Святилищ в Тиауанако, действительно, было достаточно: в том числе, существовал и полуподземный храм. Вероятно, какие-то из культовых мест могли стать прототипом храма, описываемого в рассказе.

Спустившись в усыпальницу, путники оказываются в зале, где обнаруживают множество коленопреклонённых великанов, обращённых в одну сторону – жрецов, воинов и рабов Тии, добровольно ушедших вслед за своей повелительницей. Представления о том, что истуканы Тиауанако суть жившие здесь ранее великаны, обращённые в камень по воле божества, мы обнаруживаем, например, у индейцев аймара [Стингл, 1983, 132].

На троне герой различает силуэт женщины в белых одеждах и, подойдя ближе, заглядывает ей в лицо: «Во мне совершался какой-то внутренний переворот. Слезы счастья, неизъяснимой любви и сладкой грусти подступали к моим глазам... Человеческий язык слаб и бессилён и нет в нём слов, которыми можно было бы достойно описать её красоту» [Рамбаев, 1933, 8]. Переполюющие героя чувства, невозможность их рационально объяснить и выразить увиденное словами говорят нам о соприкосновении Гаршина с инобытийной реальностью – о мистическом опыте. И, возможно, Рамбаев не случайно представляет Тию в виде некоего «живого» силуэта женщины во плоти, а не каменной статуи – этим он подчёркивает её сущностное отличие от каменных «рабов», действительное божественное присутствие, реальность мистического опыта героя. Любопытно, что при изучении Тиауанако было обнаружено, что ни одна из каменных фигур никогда не изображала женщину, несмотря на то, что некоторые из идолов были посвящены, скорее всего, богиням [Галич, 1990, 321].

Гаршин приходит в себя в хижине индейского колдуна и знахаря. В течение месяца тот поил героя снадобьями, лечил заклинаниями и гипнозом и заставил забыть произошедшее. Всю последующую жизнь героя мучает томительная тоска и смутное ощущение «неведомого зова», пока однажды в Харбине он не заходит в книжную лавку, не берёт парижские русские газеты и не читает в одной из них о Тиауанако. В этот момент воспоминания возвращаются к нему и единственной для него целью и желанием становится отправиться к божественной Тии. Похожие мотивы «памяти и забвения»³⁵ широко представлены в мифологическом, эпическом, сказочном и народном творчестве.

Среди опубликованных рассказов, содержащих отсылки к различным мистическим и оккультным идеям, особняком стоят те, в композиционных частях которых (чаще – в прологе, завязке) мы наблюдаем мистические ноты, но в кульминации или развязке становятся очевидны совершенно обыденные, рациональные причины описываемых событий. К таким текстам можно, например, отнести рассказы О. Кука «Белая яхта»; С. де Вере «Слепая ревность»; М. Хэнсома «Башня монахов»³⁶.

Таким образом, несмотря на стремление русской диаспоры сохранить православную веру и культуру, в условиях обрётённой замкнутости само пространство Харбина мифологизировалось и маргинализировалось. Порубежное, неопределённое положение русской эмиграции давало импульс к своеобразному эскапизму и поиску новых откровений, возможностей изменения объективной реальности, что выразилось в проявлении интереса к мистическим и оккультным мотивам, особенно – в литературно-художественной среде. Будучи в состоянии духовной стагнации, творческая интеллигенция обращается к мистическому опыту человеческой истории. Обращение к сверхъестественному, помимо того, что имело место и в дореволюционной России, явилось закономерной реакцией на общераспространённый в 1920–1940-х годах интерес к спиритизму, культуре Древнего Египта, ясновидению и экстрасенсорике, гадательным и оккультным практикам, теософии и т.д.

Основными семантическими доминантами литературно-художественных и публицистических текстов журнала «Рубеж» выступают общение с духами и покойниками, экстрасенсорика, магические практики, вера в амулеты и талисманы, различные виды мантики – хиромантия, разнообразные иные гадания, гипноз, суеверия –

вера в проклятия, в несчастливые числа и людей, приносящих несчастья, вера в ведьм и демонические силы и др., разнообразные религиозные мотивы. Если публицистические статьи, фельетоны и прочее освещают, как правило, какую-то одну тему, то художественные тексты часто сочетают в себе различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные идеи, являясь особым синкретическим конструктом, базирующемся на субъективном видении автора.

Библиографический список

1. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 321 с.
2. Галич, М. История доколумбовых цивилизаций / М. Галич / Пер. с исп. Г.Г. Ершовой и М.М. Гурвица; вступ. статья Ю.В. Кнорозова. – М.: Мысль, 1990. – 407 с.
3. Забияко, А.А., Эфендиева, Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 340 с.
4. Забияко, А.П. Одержимости состояние / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 718–719.
5. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Д.К. Зеленин. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
6. Землянская, К.А. Мистика и магия в жизни русского Харбина 1920–1940-х гг. / К.А. Землянская // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. / под ред.: А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Ван Цзяньлин, на англ. О.Е. Пышняк. – Вып. 10 : Этнокультурные процессы в политическом контексте. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2013. – С. 323–335.
7. Иванов, В.В. Змей / В.В. Иванов // Мифы народов мира: энциклопедия. – В 2-х т. – Т. 1. – А–К. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 468–471.
8. Кадашев, В. Истукан над провалом / В. Кадашев // Рубеж. – 1935. – № 15 (376). – С. 1–2, 4–5, 6, 8.
9. Крыжанская, К.А. Опыт соприкосновения с мистическим в повседневной жизни русского Харбина (по материалам периодической печати г. Харбина 1920–1930 гг.) / К.А. Крыжанская // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами: материалы междунар. науч.-практ. конференции / под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2011 – С. 346–352.
10. Несмелов, А. Болезнь Нины Павловны / А. Несмелов // Рубеж. – 1933. – № 22 (279). – С. 1–2, 4–6, 10–12.
11. Перелешин, В. Замок белой женщины / В. Перелешин // Рубеж. – 1936. – № 20 (433). – С. 4, 6, 8–10.
12. Рамбаев, В. Тия божественная / В. Рамбаев // Рубеж. – 1933. – № 25 (282). – С. 1–2, 4–6, 8.
13. Рачинская, В. Скрипка Паганини / В. Рачинская // Рубеж. – 1936. – № 22 (435). – С. 1–3, 6, 8–10.
14. Стингл, М. Поклоняющиеся звёздам. По следам исчезнувших перуанских государств / М. Стингл / Пер. с чеш. В.А. Каменская, О.М. Малевич. – М.: Прогресс, 1983. – 182 с.
15. Токарев, С.А. Религия в истории народов мира / С.А. Токарев / Общ. ред. и предисл. А.Н. Красникова. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Республика, 2005. – 543 с.
16. Хейдок, А. Ночной поезд / А. Хейдок // Рубеж. – 1934. – № 34 (343). – С. 1–2, 4, 8.
17. Элиаде, М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – С. 208–228.

Текст поступил в редакцию 03.02.2018.

¹Подробнее см.: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина): Монография. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – С. 18–51; Эфендиева Г.В. Что читал русский Харбин? (о литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930-х гг.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 182–194; Забияко А.А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко А.А., А.П. Забияко, С.С. Лёвшин, А.А. Хисамутдинов / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 141–359; Забияко А.А.

Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: Монография. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – С. 3–20; 58–84; Лютова Н.К. Дальневосточный журнал «Рубеж» // Книжные свидетели былых времен (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки. – Хабаровск, ДВГНБ, 2017. – С. 437–445.

² Например: Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // Рубеж. – 1933. – № 22 (279). – С. 1–2, 4–6, 10–12; Лович Я. Влюбленный призрак // Рубеж. – 1939. – № 30 (599). – С. 1–4, 6–8, 10; Мэзон А. В двенадцать часов / пер. с англ. Т. Беляева // Рубеж. – 1937. – № 1 (466). – С. 22, 24, 26–30; Калленберг Г. Потусторонний голос // Рубеж. – 1928. – № 14. – С. 3–4; Кряжев В. Легенда о призраке Рудольфа Валентино // Рубеж. – 1928. – № 33. – С. 11.

³ Например: Беррэс. Четвёртая стена // Рубеж. – 1928. – № 15. – С. 10–11; Сабурова И. Санта-Луара // Рубеж. – 1937. – № 8 (473). – С. 1–4, 6–8, 10–11.

⁴ Например: Товненд В. Возвращение моряка / пер. с англ. О. Любимова // Рубеж. – 1937. – № 4 (469). – С. 15–18, 20; Ирви В. Видение / пер. Г. Орг // Рубеж. – 1944. – № 4 (809). – С. 15–16, 18; Борис Л. Нездешняя // Рубеж. 1944. – № 3 (808). – С. 16, 18, 20; Ачаир А. Тайна северной тайги // Рубеж. – 1937. – № 23 (488). – С. 1–6; Бауэн М. В новогоднюю ночь / пер. с англ. П.Н. Анисимова // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 22, 24, 26–28.

⁵ Подробнее об этом можно прочесть у классиков, например: Фрэйзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклин. – М.: Политиздат, 1980. – 703 с.; Фрейд З. Тотем и табу. – М.: АСТ, 2009. – 317 с.; Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с. и др.

⁶ Это характерно не только для самого места захоронения, но и для всей погребально-обрядовой деятельности по разграничению живых и мёртвых.

⁷ Бауэн М. В новогоднюю ночь / пер. с англ. П.Н. Анисимова // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 22, 24, 26–28.

⁸ Кент А. В четвертом измерении // Рубеж. – 1933. – № 22 (279). – С. 16–20.

⁹ Юльский Б. Катастрофа // Рубеж. – 1934. – № 43 (346). – С. 1–3, 6, 8, 10.

¹⁰ Диббук // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <http://eleven.co.il/judaism/mystic-kabbalah-magic/11427/>.

¹¹ См. например: Тайлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.; Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.; Бадмаев А.А. Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 255–263 и др.

¹² Например: <Б.п.>. Целитель душ // Рубеж. – 1928. – № 8. – С. 3; Шмидт М. Ясновиденье через руки // Рубеж. – 1928. – № 38. – С. 11; Дюкро Ж.А. Близка «великая кара!»... Ужасы надвигаются на мир... // Рубеж. – 1933. – № 42 (299). – С. 12–13; Каржевин А. Знаки зодиака мрачны, но... не будем унывать! // Рубеж. – 1934. – № 5 (314). – С. 4–5; Приват М. Папа – король Италии?... Сенсационные предсказания знаменитого астролога по звездам римского неба // Рубеж. – 1934. – № 23 (332). – С. 3; С-н И. Феномен или шарлатан? Человек, который буквально видит насквозь // Рубеж. – 1935. – № 30 (390). – С. 7; <Б.п.>. Заглянем в будущее?... Новая игра, соединенная с гаданием // Рубеж. – 1935. – № 30 (390). – С. 19; Шмидт М. Чёрная магия для всех... Пифии и астрологи на подмостках монмартрских кафе // Рубеж. – 1937. – № 1 (466). – С. 17; Каржевин А. Ясновиденье на службе у правосудия // Рубеж. – 1938. – № 1 (518). – С. 22–23; Денис В. Судьба – по линиям ног!.. Новый способ гадания // Рубеж. – 1938. – № 21 (538). – С. 15; <Б.п.>. Что сулят нам звёзды?... Предсказания астрологов и ясновидящих на 1939 год // Рубеж. – 1939. – № 1 (570). – С. 9; Клеменс Ю. Признаки счастья. Проверьте, есть ли они у вас // Рубеж. – 1939. – № 12 (581). – С. 9–10; Савский Г. Что обещает Новый Год?... Сводка предсказаний европейских астрологов на 1940 год // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 9; Кряжев В. Что ждет вас в этом месяце? Предсказания голливудского астролога читателям «Рубежа» // Рубеж. – 1940. – № 1 (622). – С. 21–22.

¹³ Например: Хелтлей Р. Предсказание будущего. Определение судьбы человека // Рубеж. – 1928. – № 41. – С. 14; <Б.п.>. Профессор черной магии (Индия) // Рубеж. – 1934. – № 34 (343). – С. 25; <Б.п.>. Хиромантка-окультистка. Друг тоскующих // Рубеж. – 1934 г. – № 43 (352). – С. 8.

¹⁴ Гиббс Ф. Ключ жизни // Рубеж. – 1942. – № 41 (765). – С. 18–20, 22–27.

¹⁵ Бэдд У.А. В тунике / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. – 1939. – № 51 (620). – С. 8, 10–11, 14.

¹⁶ К громовым стрелам относятся, как правило, три типа камней (окаменелостей): *фульгуриты*, образовавшиеся в результате удара молнии в песок; *наконечники стрел* эпохи каменного века и *блемниты* – окаменевшие останки одноимённых моллюсков эпохи мезозоя. Последние – самый распространённый вид громовых стрел.

¹⁷ Луговой А. Седьмая милость богини // Рубеж. – 1938. – № 3 (520). – С. 1–11.

¹⁸ См. подробнее, например: Кунц Дж.Ф. Драгоценные камни в мифах и легендах. – М.: Центрполиграф, 2008. – 320 с.

¹⁹ Протопопов Н.А. И камни живут... // Рубеж. – 1945. – № 8 (849). – С. 10–13.

²⁰ Джемсон Э. Любовный талисман / пер. с англ. Т. Беляева // Рубеж. – 1933. – № 21 (278). – С. 16–18, 20.

²¹ <Б.п.>. Месть фараона / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. – 1928. – № 48. – С. 12, 14.

²² Например: Арт. Глаз. Проклятие йога // Рубеж. – 1928. – № 47. – С. 10; Дюкро Ж. Как выглядит Сатана? // Рубеж. – 1933. – № 45 (302). – С. 5; Русланова Л. «Хороший день – пятница, тринадцатого числа!...». Члены «Клуба Противников Суеверий» не боятся никаких дурных примет // Рубеж. – 1935. – № 22 (383). – С. 6–7; Россов Ю. Бойтесь ли Вы тринадцатого числа? О предрассудках и

суевериях // Рубеж. – 1939. – № 30 (599). – С. 11–12; Яворский С. Жертвы ужасного психоза. Вера в ведьм стоила миллионов жизней // Рубеж. – 1945. – № 3 (844). – С. 8–9.

²³ Особое развитие эта идея получила в одноимённой пьесе аргентинского драматурга Грегорио де Лаферрере.

²⁴ См. подробнее: Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. – М.: Академический Проект, Гаудемаус, 2004. – 1008 с.; Она же. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 632 с.; Разинов Ю.А. Символика перекрёстка // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2010. – С. 123–130; Плотникова А.А. Перекрёсток // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 360–361; Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира: в 2-х т. – Т. 2. – К–Я. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 12–14 и др.

²⁵ Во многом этому способствовали уникальные слух и манера игры, обусловленная врождённым недугом, отчего конечности его были удлинены, а соединительные ткани обладали необычной мягкостью, что заставляло его неестественно изгибать шею и левую руку во время игры. Природная бледность, худоба и нежелание развенчивать ходившие слухи окончательно завершали образ «вампира со скрипкой». К тому же, маэстро не был в добрых отношениях с церковью: при жизни католики обвиняли Паганини в ереси, а после смерти епископ Ниццы запретил хоронить музыканта в освящённой земле. См. подробнее: Тибальди-Къеза М. Паганини / пер. с ит. И. Константиновой. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 388 с.

²⁶ Хелтлей Р. Несчастливое число. Происшествие в Монте-Карло // Рубеж. – 1928. – № 29. – С. 1–3.

²⁷ Например: Кадашев В. Истукан над провалом // Рубеж. – 1935. – № 15 (376). – С. 1–2, 4–5, 6, 8; Букэн Дж. Роща Астарты / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. – 1941. – № 9 (682). – С. 15–18; Сибрэр Г. Богиня... в нижней юбке. Разоблаченные тайны загадочного «вуду» // Рубеж. – 1931. – № 22. – С. 7–8.

²⁸ Например: Рамбаев В. Тия божественная // Рубеж. – 1933. – № 25 (282). – С. 1–2, 4–6, 8; <Б.п.>. Брамин великого духа / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. – 1928. – № 47. – С. 11, 14; Яворский С. Дети, видевшие Богоматерь // Рубеж. – 1933. – № 20 (277). – С. 5.

²⁹ См. подробнее: Элиаде М. Мefистофель и андрогин. – СПб.: Алетей, 1998. – С. 123–205; Он же. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – С. 383–385.

³⁰ Древнее городище общей площадью 450 тыс. кв. км., находящееся в Боливии на южном берегу оз. Титикака на горной равнине Альтиплано, окружённой вершинами Кордильер. Поселение являлось центром государства Пукина и сосредотачивало духовную и политическую жизнь андской цивилизации. Оригинальное название города неизвестно; Тиауанако он был назван позже инками; в академической среде это же название закрепилось за городом и культурой в 1957 г. Расцвет Тиауанако приходится на период с 500 по 900 гг. н.э.; около 1180 г. обитатели покидают город. Причинами возможного падения цивилизации и оттока населения историки и археологи предполагают два противоположных явления: разрушительные силы наводнение или продолжительную засуху (с X по начало XIV вв.), вызвавшую неурожай и голод. С началом колониальной эпохи индейцы возвращаются в окрестности города, и в течение следующих 450 лет Тиауанако подвергается разрушениям, став самой большой в Боливии каменоломней: строения разбиваются кирками, а позднее – взрываются динамитом.

³¹ См. подробнее, например: Стингл М. Поклоняющиеся звёздам. По следам исчезнувших перуанских государств / пер. с чеш. В.А. Каменская, О.М. Малевич. – М.: Прогресс, 1983. – 182 с.; Галич М. История доколумбовых цивилизаций. – М.: Мысль, 1990. – 407 с.; Бушнелл Д. Перу. От ранних охотников до империи инков. – М.: Центрполиграф, 2003. – 192 с.; Куприенко С.А. Источники XVI–XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма. – К.: Видавель Куприенко С.А., 2013. – 418 с. и др.

³² По А. Познанскому, боливийскому исследователю, историку и археологу австрийского происхождения.

³³ Согласно большинству исследователей.

³⁴ Действительно, вес некоторых плит в постройках археологического памятника Тиауанако составляет более сотни тонн.

³⁵ См. подробнее: Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010. – С. 117–140.

³⁶ Например: Кук О. Белая яхта / пер. с англ. Е. Александрова // Рубеж. – 1937. – № 12 (477). – С. 14–18, 20; Де Вере С. Слепая ревность / пер. с англ. Беляева Т. // Рубеж. – 1933. – № 25 (282). – С. 14–18, 20; Хэнсом М. Башня монахов / пер. с англ. А. Тушканова // Рубеж. – 1939. – № 22 (591). – С. 17–20.

References

1. Baiburin A.K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka, 1993, 321 p. (in Russian).
2. Galich M. *Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsiy* [The History of Pre-Columbian Civilizations]. Moscow: Mysl', 1990, 407 p. (in Russian).
3. Zabyako A.A., Efendieva G.V. *Mezh dvukh mirov: Russkie pisateli v Man'chzhurii: Monografiya* [Between the Two Worlds: Russian Writers in Manchuria: Monograph]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2009, 340 p. (in Russian).

4. Zabiyako A.P. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion. Encyclopedic Dictionary]. Ed. by A.P. Zabiyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006, pp. 718–719 (in Russian).
5. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian Mythology: The Dead an Unnatural Death and Water Sprites]. Moscow: Indrik, 1995, 432 p. (in Russian).
6. Zemlyanskaya K.A. *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh. Vyp. 10: Etnokul'turnye protsessy v politicheskom kontekste* [Russia and China on the Far-Eastern Borders. Vol. 10: Ethnocultural Processes in Political Framework]. Ed. A.P. Zabiyako, A.A. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2013, pp. 323–335 (in Russian).
7. Ivanov V.V. *Mify narodov mira: entsiklopediya. V 2-kh t. T. 1. A–K* [Myth of the Peoples of the World: Encyclopedia]. In 2 vols. Vol 1. A–K. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1991, pp. 468–471 (in Russian).
8. Kadashev V. *Rubezh* [Frontier]. 1935, no. 15 (376), pp. 1–2, 4–5, 6, 8 (in Russian).
9. Kryzhanskaya K.A. *Rossiya i Kitai: sotsial'no-ekonomicheskoe vzaimodeystvie mezhdu stranami i prigranichnymi regionami: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii* [Russia and China: Social and Economic Interrelation between the Countries and Boundary Regions: Proc. of International Research to Practice Conference]. Ed. by L.A. Ponkratova, A.A. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2011, pp. 346–352 (in Russian).
10. Nesmelov A. *Rubezh* [Frontier]. 1933, no. 22 (279), pp. 1–2, 4–6, 10–12 (in Russian).
11. Pereleshin V. *Rubezh* [Frontier]. 1936, no. 20 (433), pp. 4,6, 8–10 (in Russian).
12. Rambaev V. *Rubezh* [Frontier]. 1933, no. 25 (282), pp. 1–2, 4–6, 8 (in Russian).
13. Rachinskaya V. *Rubezh* [Frontier]. 1936, no. 22 (435), pp. 1–3, 6, 8–10 (in Russian).
14. Stingl M. *Poklonyayushchiesya zvyozdam. Po sledam ischeznuvshikh peruanskikh gosudarstv* [Worshipping the Stars. The Trail of Vanished Peruvian States]. Moscow: Progress, 1983, 182 p. (in Russian).
15. Tokarev S.A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in History of the Peoples of the World]. Ed. by A.N. Krasnikov. Moscow: Respublika, 2005, 543 p. (in Russian).
16. Heidok A. *Rubezh* [Frontier]. 1934, no. 34 (343), pp. 1–2, 4, 8 (in Russian).
17. Eliade M. *Patterns in Comparative Religion*. Sheed & Ward, New York, 1958 (Russ. ed.: Eliade M. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya*. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr «Ladomir», 1999, pp. 208–228).